

К. РУДНИЦКИЙ

О МОЛОДОМ УЧИТЕЛЕ

В этом году Г. Бояджиеву исполнилось бы 80 лет

ГИТИС конца 30-х — самого начала 40-х годов был царственно щедр. Мы, тогдашние студенты, с невежеством юности принимали как должное и обычное то, что досталось нам чудом, и только впоследствии поняли, сколь фантастично нам повезло.

Историю изобразительного искусства и архитектуры преподавал Николай Михайлович Тарабукин. Манера говорить у Тарабукина была вялая, флегматичная, глаза печальные, под глазами мешки. Николай Михайлович сознавал, что он — неудачник. В молодости он подавал самые большие надежды, всем казался восходящей звездой первой величины, успел высказать немало новаторских идей в сфере формального анализа произведений живописи, скульптуры, зодчества. Повальная «проработка» всех «формалистов», от Шостаковича до Фаворского и от Мельникова до Мейерхольда, учиненная в 1936—1938 годах, не миновала и Тарабукина: его книги остались недописанными, блестящие статьи (в частности уникальная по четкости и простоте работа «Зрительное оформление в ГОСТИМе») — неизданными. С нами беседовал человек сломленный, утративший веру в себя. Но не отступившийся от своих идей и с меланхолической последовательностью излагавший их студентам. На его занятиях у нас в буквальном смысле слова раскрывались глаза: мы постигали законы построения композиций, равносильные и для живописного полотна, и для старинного храма, тайны колористических соотношений и диссонансов, узнавали, как движение времени меняет и преображает форму, структуру.

Насколько я теперь понимаю, неудачником был, в сущности, и Василий Григорьевич Сахновский, который знакомил нас с основами режиссуры: этот брутальный, темпераментный человек всю свою жизнь почему-то оставался на втором плане, его поочередно заслоняли то Федор Комиссаржевский, то Немирович-Данченко, то Станиславский, и значение режиссерской деятельности Сахновского доныне по-настоящему не оценено. Но он-то, в отличие от Тарабукина, своей неудачливости не сознавал, напротив, был мажорен, бурно экспансивен, рассказывал нам о Станиславском и Немировиче, о Мейерхольде и Тайрове влюбленно и весело, остро и

точно, а эрудиция... Эрудиция Сахновского казалась неистощимой.

Западную литературу читал Константин Григорьевич Локс, в прошлом человек, близкий Брюсову (это мы знали), тогда — человек, близкий Пастернаку (этого мы не знали), — читал сухо, монотонно, казалось нам, скучно. Но лекции Локса выходили далеко за пределы учебной программы, и те, кто его внимательно слушал, узнавали многое такое, чего ни в каких доступных студенту книгах не сыщешь. Прямой противоположностью педантичному и замкнутому Локсу был рассеянный, чудовищно растрепанный, но вскидчивый и чувствительный до сентиментальности Сергей Константинович Шамбино, который читал древнерусскую и русскую литературу и едва ли не пласал, декламируя «Слово о полку Игореве». Юрий Васильевич Соболев с таким же упоением говорил о Чехове и о Художественном театре, Сергей Иванович Радциг — о Гомере и Еврипиде. А кроме того мы имели возможность слушать и несравненного Алексея Карповича Дживелегова, который рассуждал о Данте или о Леонардо да Винчи, как о своих близких знакомых, и всегда мягко-ироничного Абрама Марковича Эфроса, называвшего новые для нас имена: Шарль-Луи Филипп, Жюль Ромен, Луи Селин, кратко, метко и точно характеризовавшего литературу современного Запада. Занимался с нами и художник Владимир Владимирович Дмитриев, сумрачный, но вдруг разгоравшийся, когда речь заходила о Станиславском и Мейерхольде... Наши педагоги, почти все, за редчайшим исключением, были колоритнейшими, самобытными, далеко не ordinarynymi людьми.

Григорий Нерсесович Бояджиев появился в школе на Палашевском переулке, где тогда помещался театральный факультет, как только мы перешли на второй курс. Было это в 1939 году. От остальных наших учителей Бояджиев резко отличался прежде всего тем, что был удивительно молод. Ему тогда исполнилось только тридцать лет, и рядом с Шамбинаго, Сахновским, Локсом или Дживелеговым он выглядел чуть ли не мальчишкой.

Забегая вперед, скажу, что Бояджиев остался на удивление молодым до конца дней. Нет, я имею в виду не молодость духа, не только

молодость духа. Он ~~был~~
молод и внешне, физи-
чески, после того, как отпраздни-
вшем Гнездниковским, и
но, свое шестидесятилетие,
все таким же юношеским,
темноволосым, с теми же
глазами, с тем же ясным
речи, с той же экспрессией.
Когда он умер, ему было
пятьдесят, и тем не менее
вопреки, на его похорон-
ком кладбище Т. И. Бакунин
несла: «Мы провожаем
учителя...»

Она в немногих словах
то, что чувствовали мы

Когда он пришел молодой учитель, его наружились сразу. Впроживев свои намерения Он хотел нас всех — от способностей и нака сделать театральными. Он учил нас быть крити вести говоря, я и понимаю ли этому научить рий Нерсесович вел себя совершенно не сомнева мы, весь курс, как толь ГИТИС, тотчас же о ланными сотрудниками налов и будем вполне вованно,дельно и умно пре. Простой вопрос, на этого талант, нужно лишнее дарованиеице,— вовсе. Один из педагогов ретов Бояджиева соо что он разговаривал словно одаренность каждого сомнению не под полагая, что все мы — ные, он испподволь, неза го не подстегивая, застах всех сил тянуться, да его ожидания. И мы — каждый старался превы ся, только бы не Бояджиева.

Метода была самая яджиев заставлял нас зии на спектакли, небо об отдельных актерах. Потом требовательно эти наши сочинения. тересные зачитывал вспирая, то поощрительно, самые удачные неудачные, с его точки зрения, фразы, выражения охотно он зачитывал другу по всем пунктам ложные. В этих случаях, возникали жаркие